

После испытаний он рассчитывал вернуться домой. Там, в другом полушарии, в Ленинграде на улице Рыбацкой его ждали жена и маленькая дочь; приближалась осень, а вместе с ней дожди, скоро

начнёт течь крыша, и надо её чинить, пора заготавливать дрова на зиму... Но его оставляют работать в комиссии ЮНЕСКО по атомной энергии.

Он вернулся только в феврале 1947 года и сразу узнал о новом назначении. Тогда это было в порядке вещей. Человек не принадлежал самому себе.

Иногда говорят, что Берия якобы покровительствовал МГ. По рассказам самого Михаила Григорьевича этого не скажешь: «Сидит такой человек с животом, пальцы как сосиски. Всем говорит «ты». Кроме Сталина. И Сталину тоже. Но ему — ты, Иосиф. А остальным — просто

«ты»: «Тэбэ переводим в Москву. Будешь строить большой циклотрон. Но ты понимаешь это поручение? Нет, я вижу, что ты не понимаешь. Ну так вот, если ты его не сделаешь, ты поймёшь это на Колыме».

27 марта 1947 года МГ выехал «на объект». Через 30 лет он напишет: «Кругом стоял сырой, без каких-либо просветов лес... Группа геодезистов производила трассировку улиц будущего научного городка...»

Через два с половиной года ускоритель был готов. Пуск приурочили к 70-летию Сталина. Новая лаборатория в целях секретности получила название Гидротехнической. Директором был назначен научный руководитель строительства. Так Михаил Григорьевич стал основателем институтской Дубны. За четыре месяца до пуска, в августе 1949 года на полигоне под

Кандидатура МГ возникла не случайно. Он был учеником Курчатова, и в 30-х годах вместе с Игорем Васильевичем в Радиевом институте в Ленинграде приводил в действие первый советский циклотрон, который был к тому же первым в Европе.

Семипалатинском была взорвана первая советская атомная бомба, точная копия американской. МГ присутствовал как руководитель измерительной группы, но главной его задачей было «методом прищуря», как он рассказывал, определить мощность взрыва. И когда ядерный гриб опал, Берия обратился к МГ: Мещеряков, это похоже на то, что ты видел у американцев? 18 килотонн, уверенно отвечал Михаил Григорьевич. Берия кинулся обнимать Курчатова: какое счастье, что получилось!

Дубна, город мирного атома, родилась в недрах Атомного проекта и несколько лет была его составной частью. Хотя уже в 1949-м стало ясно, что «овса не будет», в ГТЛ делались измерения ядерных констант для «водородной» бомбы, и до 1955 года лаборатория оставалась секретной. Один из генералов Атомного проекта, Б. Л. Ванников, высказался по поводу синхроциклотрона так: «Дама купила себе рояль и играет на нём одним пальцем собачий вальс». А один из московских физиков назвал Дубну «аппендиксом Атомного проекта».

Текст А.А. Расторгуева. Фото из семейного альбома Мещеряковых и архива ОИЯИ. На первой странице: 1-й корпус ГТЛ (фото П. И. Зольникова).

Музей истории науки и техники ОИЯИ

Дубненский генезис

Дубна

Институтская Дубна рождалась в недрах советского атомного проекта. В декабре 1949 года близ деревни Ново-Иваньково был пущен протонный ускоритель на 480 МэВ — самый крупный в мире на тот момент времени и совершенно секретный.

История этого ускорителя восходит к январю 1946 года, к письму научного руководителя советского Атомного проекта И. В. Курчатова, адресованному администратору Проекта Л. П. Берии. В письме обосновывается необходимость создания исследовательского ускорителя.

Оцените обстановку, в которой это предлагалось. Страна, только что вышедшая из Великой Отечественной войны, оказалась перед новой задачей: созданием собственной ядерной бомбы. После бомбардировок японских городов Сталин сказал Курчатову: просите всё, что нужно, отказа не будет. Даже министр финансов СССР, как говорят, не знал, сколько денег идёт на атомную бомбу. Отсюда, может быть, и послевоенный голод 1946–1947 года.

На бомбу работали знаменитая Лаборатория № 2, будущий Курчатовский институт, и Лаборатория № 3, будущий ИТЭФ, Радиевый институт в Ленинграде, Физико-технический институт в Харькове (Лаборатория № 1) и многие другие. Надо было построить заводы по обогащению урана, наладить производство сверхчистого графита, разработать промышленную технологию извлечения плутония из урановых блоков, построить ядерный реактор, открыть новые месторождения урана и начать их разработку. Фактически предстояло создать новую промышленность. И за 4 года такая промышленность была создана.

А пока — самое начало 1946 года. Не построен ещё ядерный реактор для накопления плутония, не открыты урановые месторождения, нет заводов по разделению изотопов, не закончена разработка технологии извлечения плутония из урановых блоков. Казалось бы, время ли строить большой исследовательский ускоритель, практическая польза от которого по меньшей мере проблематична? Но... «Просите всё, что требуется, отказа не будет». И отказа не было. К тому же у Курчатова был принцип: всё, что есть у американцев, должно быть у нас, и даже лучше.

Вопросы тогда решались быстро. О той вертикали власти, которая была тогда, нынешняя власть может только мечтать. После двух-трёх заседаний Спецкомитета и резолюции Сталина правительственная комиссия приняла решение о строительстве ускорителя, и тогда же было определено место.

Место строительства выбрал Берия. Так рассказывал М. Г. Мещеряков, научный руководитель строительства. Аргументов в пользу избранного места было приведено несколько. Оно достаточно близко к Москве с её научно-техническим потенциалом. И достаточно далеко в интересах безопасности. По каналу Москва-Волга можно подвозить тяжёлое оборудование. Есть Ивановская ГЭС — стабильный источник питания. Нет автомобильной дороги? Проложим. Разобрана железная дорога от Вербилков до Большой Волги? Восстановим. А главное — медвежий угол, некуда бежать. А побеги, заметим в скобках, были.

Строителей беспокоила заболоченность местности. Будущий академик А. Л. Минц сомневался в прочности грунта. Были и другие сомнения. Берия разбил все сомнения одним аргументом: вы не верите в Советскую власть?

В 20-х числах августа начальник строительства генерал-майор А. П. Лепилов, строивший во время войны авиационные заводы под Куйбышевым, выехал в район деревеньки Ново-Иваньково, рядом с которой было намечено строительство. Через 4 месяца начал быстро расти лагерь заключённых, основная рабочая сила.

А будущий научный руководитель создания ускорителя в это время был в Америке и, вероятно, ничего не знал.

Из воспоминаний М. Г. Мещерякова (близко к первоисточнику):

...Тусклый голос в телефонной трубке сообщил: вы приглашаетесь на собеседование. Через полчаса к вашему дому будет подана машина. Действительно, через тридцать минут звонок в дверь. Машина у подъезда. Могу я проститься с семьёй? Вежливый ответ: можете, но это можно будет сделать и позже. Поездка проходит в полном молчании. Машина останавливается у ничем не выдающегося здания в центре города. МГ оставляют одного в комнате, советуют снять верхнюю одежду. Жду, рассказывает Михаил Григорьевич. Входит пожилой человек в жилетке, просит встать. Достает из кармана сантиметр и начинает меня обмерять. Постепенно прихожу в себя, начинаю понимать, что я у портного...

Действительно, через какое-то время человек выносит костюм, и после примерки МГ приглашают на собеседование, по окончании которого он узнаёт, что его командируют в Америку.

Это конец мая 1946 года. В Америке полным ходом идёт подготовка к показательным испытаниям двух ядерных бомб; шоу планируется провести на Маршалловых островах в атолле Бикини. 12 держав мира, в их числе Советский Союз, приглашены на испытания, по два наблюдателя и по одному представителю прессы.

Михаил Григорьевич, а ему в это время неполных 36 лет, пройдя инструктаж, получив в секретариате необходимые документы, деньги и пакет с новым костюмом, летит в Париж, оттуда, через океан — в Нью-Йорк, а затем, через всю Америку, — в Сан-Франциско, откуда пароходом — к Маршалловым островам в Тихом океане. Ему и в голову не пришло отказываться — ведь костюм уже шит!

Name: MICHAIL G. MESCHERYAKOV
"Mike"
Business: Director of the Cyclotron Laboratory in Leningrad.
Home: Leningrad, Ribaskaia Ul. 11 Apt. 5.